

Анна
Матвеева

Армастан Я тебя тоже

ФИНАЛИСТ ПРЕМИЙ
«БОЛЬШАЯ КНИГА»
И «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Проза Анны Матвеевой

Анна Матвеева

Армастан. Я тебя тоже

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матвеева А. А.

Армастан. Я тебя тоже / А. А. Матвеева — «Издательство АСТ»,
2023 — (Проза Анны Матвеевой)

ISBN 978-5-17-148259-6

Анна Матвеева — автор романов «Каждые сто лет», «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной» и «Есть!», сборников рассказов «Катя едет в Сочи», «Спрятанные реки», «Лолотта и другие парижские истории», а также книг «Горожане» и «Картинные девушки». Финалист премий «Большая книга» и «Ясная Поляна». В новом сборнике рассказов и повестей «Армастан» все тексты так или иначе связаны с визуалом — речь про картины, фотографии, плакаты, рисунки, в общем, про всё, что Гертруда Стайн называла «изображениями на плоской поверхности». Художники, музеи, творческие страдания, а ещё — мучительные поиски жилья, любовный бред и ностальгия. Всё, что мы любим. Вот и «армастан» по-эстонски — «люблю».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148259-6

© Матвеева А. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Отрадное	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Матвеева

Армастан. Я тебя тоже

Художественное оформление – Владимир Мачинский

© Матвеева А.А.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Отрадное Повесть

Я так люблю то, что воображаю, что не могу любить то, что вижу.

Жоашен дю Белле

Мой дом – там, где я

Мой дом – там, где я.

Эту фразу я придумала давным-давно – и отбивалась ею от любопытных знакомых, как волшебным мечом от демонов. Демонам, то есть знакомым, было необходимо знать, почему у человека в таком, будем честны, зрелом возрасте до сих пор нет своего жилья. И вместе с бесполезной, будем вновь честны, фразой-мечом меня упрямо выводили к разговору о комнатах, квартирах, ипотеке и «своём жилье».

Но разве есть в этом мире у человека хоть что-то своё?

Тем более я ещё в юности полюбила гостиницы, сильнее люблю разве что аэропорты – только ради аэропортов готова летать по свету без перерыва. Пройти все испытания, как в компьютерной игре, – регистрация, контроль, досмотр, посадка на рейс. Затянуть ремень безопасности – как часовой пояс, уснуть и проснуться с мыслью «Где я?», пройти испытания в очередном аэропорту, приехать в отель ночью, вообразить пейзаж по звукам и запахам, а утром – следить за тем, как изображения накладываются на вымысел (то, что вчера виделось башней, оказалось минаретом, эвкалипт обернулся ивой, а чёрная впадина – морем). В гостиницах всегда происходит что-то чудесное – вдруг за стеной запоют песню, которую, как ты думаешь, кроме тебя никто не помнит, за окном расплывётся улыбка исламской луны, а потом случайно сломаетесь кнопку смыва в ванной, и тебя переведут со всеми почестями в номер для молодожёнов – потому что других свободных нет. Как же сладко спалось на той огромной кровати с балдахинем!

В документах моих указан домашний адрес родителей в Екатеринбурге – но на деле я появлялась там несколько раз в год, а всё остальное время скакала по свету «как бешеная блоха» (выражение бабушки-долгожительницы). Бабушка, кстати, называла меня блохой без всякого осуждения – скорее даже с одобрением, потому что сама в молодые годы тоже любила путешествия. «Но не до такой же степени! – возмущалась мама. – У тебя чемоданы снашиваются быстрее, чем у нормальных людей обувь!»

И всё же даже таким людям однажды приходится взрослеть. Как ни отгоняла я от себя мысль о том, что однажды придётся осесть, год назад она встала передо мной в полный рост – и никакие мечты тут уже, конечно, не помогли. К тому же они и так не справлялись.

Сначала громыхнула пандемия, из-за которой накрылись разом все мои поездки, – и я уныло сидела в Екатеринбурге, чувствуя, как старею на глазах с каждой проведённой дома минутой.

А потом внезапно умерла бабушка.

Не от ковида, нет. Просто пришло время. «Время смерти» – как говорят в медицинских сериалах.

Умерла она, как мечтала, – во сне.

Я любила бабушку сильнее родителей и знала, что она меня любит. Потому и завещала квартиру возле Харитоновского парка не своей дочери – моей маме, а мне.

Маму завешание обидело: я поняла это по взгляду, который прокатился по мне, как, бывает, проезжает по лицу свет от автомобиля – если ночуешь в дешёвом отеле без штор. Но вслух она ничего не сказала – точнее, сказала, что готова помочь с переездом. А отец вообще отмолчался. Во весь голос они оба начали орать на меня, когда я заявила, что ни о каком переезде в бабушкину квартиру не может быть и речи.

Потому что если уж где-то и оседать в России, так только в Москве.

Чёрный пуховик

Москву я не любила, да я и вообще ни о каком городе не могла бы сказать, что люблю его. Мне нравилась дорога из города в город, само ожидание встречи с ним, а на месте, в каком-нибудь Ульяновске или Ереване, тут же становилось скучно. Только в двух городах мира я ощутила некоторое родство с ними, как будто жила там в других своих жизнях, в которые не верю, – это Париж и Сергиев Посад.

Но если уж где-то придётся бросить якорь, то пусть это будет Москва – отсюда удобно добираться в другие города и страны, которые однажды откроются. Из Екатеринбурга каждый второй перелёт приходилось стыковать с Москвой, вот потому-то я и решила купить квартиру в столице. Но прежде нужно было продать бабушкину, у Харитоновского парка. Иначе не видать московских метров.

Мама сорвала голос, пытаясь отговорить меня от «незрелого шага». Она плакала, мне было жаль её, но я стояла на своём.

– Неужели ты бросишь нас на старости лет? – спросил отец, а я подумала: ну какая старость лет, им чуть-чуть за шестьдесят, они до сих пор работают и ничем серьёзным не болеют. Даже ковид нас миновал. Я хотела сказать это вслух, но отец махнул рукой: делай как знаешь.

Через день он уже нашёл мне риелтора по имени Юрий Маркович Хабибулин.

– Какое-то странное имя, – сказала я. – Маркович, но Хабибулин?

– Может быть, это фамилия отчима, – пожал плечами отец. – Не о том думаешь! Мои его сильно хвалят, вот это важно.

«Мои» – так отец зовёт своих коллег, не уточняя, о ком именно идёт речь.

– Юрий Маркович специализируется на сложных случаях, – добавил он.

– А разве у нас сложный? – удивилась я. Мне казалось, что такую квартиру, как у бабушки, – три комнаты в центре, высокие потолки, паркет – купят, как только мы её выставим. Что очередь желающих будет стоять до горизонта.

– Ох, Ленка, – вздохнул отец. – Там же очень специфическая планировка, к тому же паркет сломан, окна старые... Нужен серьёзный ремонт, вложения. Сейчас знаешь какие квартиры продают – люди въезжают просто с чемоданчиком!

Он жестом показал, как человек заходит в квартиру с чемоданчиком, и я тут же вспыхнула от радости, потому что поняла – я тоже хочу зайти в свою московскую квартиру с чемоданчиком! Чтобы никаких ремонтов, покупки мебели, всей этой скучной ерунды!

– А ты приценилась к Москве-то своей? – ревниво спросила мама. – Хватит тебе хоть на однушку?

Я призадумалась. Якорь, который я собралась бросить в столице, подзавис в воздухе. Вообще я довольно практична и подкована в самых разных областях, но о малоувлекательном мире недвижимости не знала совершенно ничего. Когда знакомые демоны, а также мои подруги и некоторые мужчины заводили разговор о жилье, ремонтах, интерьерах, я тут же отключала слух и благожелательно кивала, выстраивая в голове очередное путешествие.

У меня довольно скучная, как считают непосвящённые люди, профессия – я специалист по клиническим исследованиям. Проще говоря, монитор. Слежу за тем, чтобы испытания новых препаратов проводились надлежащим образом. Когда я поступала в медицинский, то не

думала, что буду заниматься чем-то таким, – я вообще ни о чём особо не задумывалась, просто в моей семье все врачи, вот я и не стала нарушать традицию. Но уже на первом курсе поняла, что никогда не смогу работать в больнице. Хотела бросить институт, но тут вмешался отец и сказал, что я обязана завершить обучение, а потом непременно подвернётся что-то подходящее моему «неусидчивому существу».

И оно действительно подвернулось. Мне моя работа нравится, к тому же зарабатываю я намного больше своих бывших однокурсников, за исключением тех, кто пошёл в пластику или пустил корни в частных клиниках.

Но квартира в Москве мне была, конечно, не по зубам. К тому же я не обзавелась полезной привычкой откладывать деньги – я с лёгкостью тратила всё, что получала, на то, что мне нравилось, то есть на путешествия. Отпуск, каникулы, выходные – все свободные дни я обязательно проводила где угодно, лишь бы не дома.

Если задуматься, то это, вообще говоря, странно, ведь в родительской квартире мне было всегда хорошо, я была к ней по-своему привязана и испытывала чувство благодарности за то, что родители приняли меня назад после единственного неудачного брака и второй, краткой, попытки жить с кем-то неродным по крови. И в том и в другом случае жилплощадь принадлежала мужчинам, и я на неё не претендовала, к тому же уходила я сама, меня никто не гнал, а значит, и прав никаких у меня не было.

Откладывать деньги я не откладывала, но за год пандемии на счёте сама собой образовалась довольно приятная сумма, которой мне хватило бы на какое-то время. Путешествия оставались недоступными, а других расходов почти не было.

Да, я могла бы снимать квартиру в Екатеринбурге или даже купить свою. Просто раньше в этом не было смысла – я почти не бывала дома, ну и родители, в общем, скорее радовались моему присутствию, чем жаловались на него.

Возможно, я соглашалась на все командировки без исключения именно потому, что таким образом как бы *не жила* с родителями: если постоянно ездить, то ты уже не одинокая неудачница, а жутко занятая деловая дама с картами лояльности всех существующих авиакомпаний.

И если бы не пандемия, я, возможно, не стала бы связываться с каким-то собственным жильём – мне это казалось невозможной морокой. Я страдала уже только от мысли о том, что придётся делать выбор, продавать и покупать жильё, переезжать, какой ужас, господа.

Квартиру у Харитоновского парка мы выставили на продажу в октябре 2021 года – сразу после того, как я вступила в наследство.

Пандемия то накатывала, то утихала, все бурно обсуждали прививки (сразу скажу, я их не делала, как и большинство моих знакомых врачей), болели тяжело и не очень. Маски носить уже вроде бы как считалось необязательным, поэтому, когда я впервые увидела риелтора Юрия Марковича Хабибулина, то, мягко говоря, удивилась. Он назначил мне встречу на выходе из супермаркета «Гипербола» на первом этаже торгового центра «Гринвич». Этот «Гринвич» – целый город в городе, я каждый раз боюсь там заблудиться и каждый раз промахиваюсь с нужным входом и выходом.

– А как я вас узнаю? – спросила я Юрия Марковича по телефону.

– Я буду в чёрном пуховике, – сообщил он.

В ноябрьскую пору весь Екатеринбург, включая меня, обряжается в чёрные пуховики, поэтому я попросила озвучить ещё какую-нибудь примету.

– Очки, – сказал риелтор. – Я ношу очки. Да вы не переживайте, Елена Дмитриевна, я вас сам узнаю! У меня глаз намётанный.

Он действительно подошёл ко мне сам, и я вздрогнула. Чёрный пуховик и очки поверх намётанных глаз были на месте, но к ним прилагалась ещё и стерильная маска, и меховая шапка «пирожок» (мой дед носил такую в конце семидесятых, если верить фото), и чёрные резиновые

перчатки. Перед собой Хабибулин толкал корзину на колёсах, нагруженную с горкой, – сверху подпрыгивали несколько коробок с тортами, цветущими масляными розами.

– Юбилей, – сказал риелтор. – Отмечаем, конечно, дома.

Я не стала уточнять, чей юбилей он отмечает, а предложила посидеть в каком-нибудь кафе и обсудить продажу квартиры. Но у Хабибулина были другие планы:

– Нет-нет, в кафе я сейчас не хожу, это безответственно. Давайте поговорим прямо здесь, не возражаете? Сколько метров? Комнат? Смежные-раздельные? Балкон?

Он засыпал меня вопросами, а сам при этом толкал свою тележку к ближайшей парковке. Я еле успевала за ними обоими, притом что хожу достаточно быстро. И ещё я беспокоилась за торты – они тряслись, как стиральная машина в режиме сушки. Одна из роз уже пострадала.

– Наверное, вы захотите посмотреть квартиру? – спросила я безо всякой уверенности.

– Посмотрю, конечно, – сказал Хабибулин безо всякого энтузиазма. – Но вообще, время сейчас не самое удачное для продажи квартир.

Я хотела спросить, а точно ли он работает риелтором? Может, отец что-то напутал? Но Юрий Маркович опередил меня:

– А вы, Елена Дмитриевна, напомните, кем трудитесь?

Услышав ответ, он расплылся в такой улыбке, что маска чуть не треснула.

– Обожаю врачей, – заявил он. – Да ещё и специалист по клиническим испытаниям! А вот скажите...

И тут он завёл разговор о лекарствах против короны и о действенности прививок. Я хотела было сказать, что даю расписку о неразглашении информации, что соответствовало действительности, но выражение той небольшой части лица Юрия Марковича, которая оставалась открытой, подсказало мне, что это будет стратегически неверным ходом. Поэтому, неглубоко вдохнув, начала рассказывать ему всё, что мне на сегодняшний день было известно. С некоторыми купюрами, разумеется.

Прежде я никогда не встречала человека, который бы так сосредоточенно поглощал информацию, – он осмыслял каждое моё слово настолько внимательно, что это сказалось на скорости движения тележки. В итоге мы встали у витрины зоомагазина, прямо под рекламой корма для попугаев.

– Понятно, понятно, – задумчиво сказал Хабибулин, почёсывая левую щёку под маской. – Ясно, ясно. Я примерно так и думал... Вы рассеяли мои сомнения. И посеяли новые. Что ж, Елена Дмитриевна, давайте завтра в три у вас там прямо и встретимся. И мне нужны будут хорошие фотографии. У вас есть?

– Мои? – глупо спросила я.

– Квартиры, – хохотнул риелтор.

На этом мы с ним и расстались, я пошла к очередному «не тому выходу», а Хабибулин продолжил катить торты к парковке. Ни ему, ни мне не пришло в голову, что можно меня подвезти или хотя бы предложить это сделать.

К тому же я забыла поздравить его с юбилеем.

Интересно, сколько ему стукнуло?

Люди с конца алфавита

Я бы не сказала, что придаю внешности людей такое уж большое значение. Вот мой бывший муж, тот, например, считал, что она определяет в человеке абсолютно всё, – клялся, что по лицу умеючи можно прочесть столько же, сколько узнают за пять лет совместной жизни (ровно столько мы с ним, кстати, и прожили).

В прошлом году я летела в командировку в Архангельск, и рядом со мной восседал краснолицый великан, у которого были громадные зубы (при этом он всё время улыбался) и огром-

ные ручищи: просто какой-то персонаж из страшной сказки. Ребёнок, сидевший через проход, расплакался, когда его увидел, да и я поёжилась. Я предпочла бы более приятного попутчика, но билет купили в экономе, так что мои предпочтения никого не интересовали. Великан половину дороги молчал, а потом вдруг осторожно тронул меня за плечо – если бы не ремень безопасности, я бы подпрыгнула! Но он смотрел на меня, улыбаясь во все свои страшные зубы, – и протягивал ладонь, в которой лежала крошечная конфетка. Корейский леденец с мятной начинкой, я такие очень люблю и всегда покупаю их на Дальнем Востоке. Я взяла конфетку, поблагодарила, и в ладони тут же появилась ещё одна. Видимо, я понравилась великану. Он жил в Магадане, а в Архангельск летел к каким-то родственникам (тоже, наверное, не маленьким) – и ему хотелось рассказать мне, как давно они не виделись и какая красота у них в Магадане! Приглашал в гости, всучил на прощание пакет с леденцами. Нет, нельзя доверять внешности, думала я, глядя, как Хабибулин с тележкой исчезает во тьме парковки. И манерами тоже не следует обманываться. Вполне возможно, что Юрий Маркович замечательный специалист, просто выглядит и ведёт себя не слишком привычно.

Я уговаривала себя, думая при этом, что интуиции доверять как раз так следует, – она меня ни разу в жизни не обманывала, в то время как я ей никогда не верила. Моя интуиция – просто Кассандра какая-то! Сейчас она была во все колокола – предупреждая, что ничем хорошим эта история с Хабибулиным не кончится и лучше было бы поспрашивать моих многочисленных знакомых, нет ли у них на примете толкового риелтора, но я благодушно делала вид, что не слышу никакого колокольного звона.

Вечером перед сном, ворочаясь в кровати, я услышала, как отец говорит за стеной маме: – Может, всё к лучшему. Найдёт себе кого-нибудь в Москве. Там людей больше, а она же у нас ничего ещё, вполне!

Что ответила мама, я, к счастью, не услышала. А на другой день проснулась уже после того, как родители уехали на работу. Смотрелась в офис и ровно в два была уже на Мамина-Сибиряка, известной в народе как Мам-Сиб.

Бабушкин дом стоял наискосок от ротонды, и я, конечно, тут же начала вспоминать, как гуляла здесь в детстве, какой большой казалась мне эта крошечная белая беседка, каким широким виделся прудик... Бабушка рассказывала, что под парком есть тайные ходы, которые велел прорыть купец Расторгуев, – он то ли золото там прятал, то ли готовил себе пути отступления на всякий случай: Расторгуев был старовер, боялся гонений. Я помню, как пересказывала бабушкины истории подружкам, добавляя от себя подробностей, – и мы даже пару раз принимались копать пластмассовыми совками мёрзлую землю, чтобы проникнуть в тайные купеческие ходы, но земля не поддавалась, и мы это дело забросили.

– Бабушка не была бы в восторге от того, что ты хочешь продать её квартиру, – сказала на днях мама. А я подумала, что бабушка вообще довольно редко приходила от чего-то в восторг. При этом я понимала, о чём говорит мать, – бабушке, наверное, было приятно представлять, как я въезжаю в её дом, освежённый лёгким ремонтом. И ей совершенно точно не понравилось бы наблюдать за тем, как чудаковатый риелтор снуёт по всем комнатам, открывая дверцы шкафов и бормоча «так, а это у нас что такое?».

Сегодня Хабибулин был в маске с респиратором и в синих резиновых перчатках, пере-кликающихся с бахилами.

– А ведь у нас с вами есть кое-что общее, Елена Дмитриевна, – сказал он, посверкивая очками (я при этом подумала, что так и не видела ещё ни разу его лица, что, вообще говоря, странно). – Мы с вами – люди с конца алфавита!

Сначала я не поняла, что он имеет в виду, но потом догадалась. Фамилии! Наши фамилии – Хабибулин и Филатова – в конце алфавита. В школе нас вызывали к доске самыми последними – если не попадался учитель-оригинал, прущий против правил. И на оплату договоров

таких, как мы, ставят во вторую очередь. От алфавита многое зависит! Какие-нибудь Александров и Быкова подтвердят.

Как ни странно, это наблюдение заставило меня проникнуться к Юрию Марковичу нелогичной симпатией. Даже интуиция на время примолкла, хотя одолевала меня до этого момента, как тошнота.

– Ну что ж, – риелтор достал из кармана дешёвый блокнот – такие обычно дарят на семинарах, повышающих все навыки, а особенно те, что нельзя повысить. – Предлагаю подытожить, так ска-ать.

Я замерла в ожидании. Бабушкина квартира, такая родная и любимая, выглядела теперь беззащитной – сейчас Хабибулин скажет, что она никуда не годится и даже бесплатно её никто не возьмёт.

– Квартира отличная, но в таком состоянии мы её хорошо не продадим. Предлагаю вложиться в ремонт. Или снизить цену. Других путей я не вижу.

– Но ведь все сами предпочитают делать ремонт.

– Под себя, да, я знаю. – Хабибулин вздохнул так глубоко, что маска на миг прилипла к его губам. – Но при этом покупать предпочитают с ремонтником. Тайна психики! Мы чуть-чуть, вот здесь и здесь, поклеим обои, это всё выбросим (он обвёл широким жестом бабушкину мебель, каждую трещинку на которой я помнила, как Земфира в известной песне), тут поставим недорогие, но стильные интерьерные объекты. И обязательно нужен запах свежей выпечки, это влияет на продажи!

– Ой, ну не знаю, – испугалась я. – Я и свежая выпечка так далеки друг от друга!

Хабибулин на сей раз строго сверкнул очками:

– Для такого дела сблизитесь.

– И я не готова выбросить бабушкины вещи.

Странно, до этого момента я не задумывалась о том, что с ними придётся расстаться. Видно, я и впрямь непрактичная.

Юрий Маркович снова тяжело вздохнул.

– С вещами чужих бабушек квартиры тоже покупают, конечно. Но цена будет другая, поверьте, Елена Дмитриевна. Вы возьмите что-то себе на память, ну вот это например, – он показал пальцем в перчатке на бабушкину любимую фарфоровую статуэтку, мальчика с собачкой. – Вещь ценная (не поручусь, но вроде бы он под маской улыбнулся, глаза, во всяком случае, сощурил). А остальное... Ну что тут сделаешь – человек рождается, человек уходит. Вы же врач, сталкивались, наверное.

Мне вдруг расхотелось переезжать в Москву. Я подумала, что родители, наверное, правы – надо перебраться сюда, на Мам-Сиб, и жить среди бабушкиных вещей, хранящих её запах.

И сразу же поняла, что на это не способна.

– Давайте вы ещё подумаете пару дней, – уговаривал меня Хабибулин. – А потом позвоните, и мы всё обсудим, окей?

Это «окей» прозвучало так инородно в его устах, что я вздрогнула, как от неожиданного тычка в спину. А потом, конечно, кивнула.

И решила посоветоваться с Таней.

Таня-устроительница

У меня много друзей. Друзья м.р. тоже есть, но женщин зримо больше – они надёжнее и с ними нет опасности влипнуть в историю (от одной такой истории я лечилась год, как от эмоционального ожога третьей степени). Женщины вообще лучше. Как-то мой коллега, накотив, хвалился романами – о, мне каждый раз попадаются офигенные девки! Одна другой лучше! Меня взбесило, конечно, слово «девки», но это был верхний слой – а если копнуть глубже, то

коллега затронул очень серьёзную тему, но я тогда не нашлась что ему ответить и загрустила: почему же мне-то попадаются мужики один другого хуже? А если не хуже, то с таким выводком тараканов в голове, что даже «холодный туман» не справится... Дело во мне?

– Нет, не в тебе, – объяснила мне спустя время Таня. – Просто офигенных девок в мире в принципе больше!

В общем, я за «женское купе», если вы понимаете, о чём я.

Таня на несколько лет младше меня и во много раз предприимчивее. У неё счастливый брак, три дочки-красавицы и столько денег, что можно ни дня не работать, но она всё равно работает. Мы познакомились на дне рождения общей знакомой – и я подумала, что с детства мечтала о такой подруге.

Таня никогда не впадает в уныние, тащит свой крест (там есть что тащить, всем есть что тащить) и вместе с ним примерно десяток чужих. Периодически и я ей подкладываю свой – она несёт его сколько может, но никогда не требует какой-то отдачи.

Татьяна в переводе с древнегреческого – «устроительница».

Нет такой проблемы, которую не смогла бы решить Таня, – и нет таких людей, которых она не знает.

Надо было сразу спросить у неё про риелтора, ругала я себя, а не тратить время с безликим Хабибулиным. Запах выпечки! Ремонтник!

Только один недостаток есть у Тани – она всегда опаздывает. Я улыбнулась, представив себе, как она бежит ко мне на встречу, прижимая к ушам сразу два телефона: в правом и левом ухе разные люди. Аудиокнига в машине, урок английского на рассвете, йога, интервальное голодание, заплывы в гидрокостюмах, уроки фортепиано.

– Привет! – Таня плюхнула сумку на свободный стульчик (я всегда занимаю в кафе стол с тремя стульями). Я потянулась к ней с ответным приветом-поцелуем (в последние несколько лет все вокруг стали так здороваться-прощаться, это вошло в моду, на которую не повлияла даже пандемия; а вот в годы моей суровой юности женщины лишь кивали друг другу) и только потом поняла, что Танин «привет» был адресован одному из наушников, незаметных под светлыми кудряшками (вот вам ещё одно никому не нужное наблюдение – в детстве я терпеть не могла блондинок, считая их почему-то глупыми, а теперь дружу по большей части со светло-волосыми, впрочем, среди них половина крашенных, как Таня).

Подруга жестами (и лёгкими, насколько позволяют уколы красоты, морщинками на лбу) извинялась передо мной, я при помощи таких же точно лёгких (надеюсь!) морщин демонстрировала ей, что всё в порядке.

Всё действительно было в порядке – это же Таня! Прямо сейчас она решает чью-то судьбу, а когда закончит – будет решать мою!

– ...Риелтор? – переспросила Таня. – То есть ты, Ленка, наконец-то решила остепениться. Не верю! Что случилось? Уволили?

– Вовсе нет, – оскорбилась я. – Наоборот. Немного повысили зарплату.

– Поездок стало меньше? – продолжала гадать Таня. – Ковид?

– Ничего не меньше. Вот завтра лечу в Москву, там два испытания, а оттуда на «Сапсане» в Питер.

– Влюбилась? – просияла Таня.

– Ты же помнишь, что моя бабушка умерла. Оставила мне квартиру. Я хочу её продать и купить что-то скромное в Москве.

– А! – Таня стушевалась и зачем-то стала перемешивать ложечкой ягоды в «авторском чае». – Точно. Я просто удивилась, ты же всегда говорила, что хочешь всю жизнь жить в гостинице, как тот писатель.

– Набоков.

– Точно, Набоков.

– Он жил в очень хорошей гостинице. У них было там чуть не целое крыло.

– Крыло... – задумчиво повторила Таня. – Смотри (она всегда говорит «смотри», а я обычно говорю «слушай»). Есть очень хорошая девочка, которая чудесно работает с арендой. Не знаю, продаёт ли, спрошу. Есть мальчик – Лиза покупала с ним дом в Карасях, очень довольна. Но чтобы продать наверняка не новую (я кивнула) квартиру, где наверняка нужен ремонт (я кивнула), сделать это надёжно, быстро и не дешевле денег (я трижды кивнула), здесь нужен самый лучший специалист.

Таня включила телефон (я машинально отметила, что там было 36 пропущенных вызовов с разных номеров), потом, чертыхнувшись, второй (там было 18).

Через секунду она с торжествующим видом переслала мне контакт самого лучшего специалиста.

Звали его Юрий Маркович Хабибулин.

Сто восемь ступенек

– ...Так ты что, получается, в Москву переедешь? – спросила Таня, когда мы прощались. В глазах её мелькнула лёгкая тень – будто шторка опустилась. – Я как-то не готова пока с тобой расставаться. Кто будет меня лечить по телефону?

– Ну вот телефоны в Москве точно есть. Другой вопрос, есть ли там для меня квартира?..

Когда самолёт садился в Шереметьево, я впервые в жизни смотрела на Москву в иллюминатор, думая не о том, куда полечу отсюда, а о том, что светящиеся огни внизу – это чьи-то окна. И одно из этих окон (ну ладно, не одно – как минимум три!) вполне может оказаться окном моего будущего дома.

Неужели в таком огромном городе не найдётся ничего подходящего лично мне?

Но сперва надо продать бабушкину. Таня согласилась помочь с «ремонтником» – пока я в командировке, родители разберут бабушкины вещи (мама мне в этом не доверяет – и правильно), вывезут мебель, и к делу приступит Танин помощник Митя – где надо, подкрасит, где надо, подклеит. Разберёмся, махнула рукой Таня. Митя берёт три тысячи в день за всё – поди не пообедем. (Свежую выпечку я от него, разумеется, требовать не буду: закажу в пекарне.)

Самолёт сел мягко, но катился после этого так резко вихляя из стороны в сторону, что женщина в соседнем кресле схватилась за сердце.

– Всё хорошо с вами? – спросила я.

– Что ж его так шатает-то! – простонала моя попутчица, и я подумала, что она, наверное, москвичка. Угостила её валидольчиком, гадая, в каком она живёт районе.

Никогда прежде я о таких вещах не задумывалась – и саму Москву воспринимала целым куском, даже, скорее, нетронутым пирогом.

А ведь она тоже раскладывается на «районы, кварталы, жилые массивы»... Где-то жить престижно (не обязательно в центре), где-то не слишком – как на нашей Сортировке.

Я продолжала думать об этом в такси – и мне не нравилось, что я продолжаю об этом думать. Путешествие впервые за много лет не приносило никакой радости, к тому же водитель был какой-то дёрганный, наверное, не спит ночами, работает без перерыва...

Поселили меня экономно, в мини-отеле, где было чудовищно жарко. В номере пахло дихлофосом и сгоревшей сковородкой.

А ведь я очень люблю отели!

Перед сном попыталась найти в сети хоть какие-то фотографии Хабибулина – не нашла ни одной.

Как он, интересно, выглядит без маски и очков?

Ночью мне приснился привлекательный мужчина, который постоянно прятал от меня лицо, зато другие его части можно было разглядеть без проблем.

А утром я поехала в Подмоскowie – уже на местном транспорте. Отвлеклась так, что обо всём забыла, – и только поздно вечером, в отеле, открыла мессенджер, где возмущённо болталась примерно тысяча сообщений и фотографий от мамы.

Позвонила.

– Так ты хочешь оставить себе хоть что-то из бабушкиных вещей? – спросила мама.

– Мальчика с собакой и янтарные бусы, – сказала я.

Запах дихлофоса и сковородки из номера пропал, теперь здесь пахло куревом и тухлой рыбой. Разнообразие!

Я натянула простыню на нос, тщетно пытаюсь уснуть.

Мне решительно не нравилось это моё путешествие.

В Петербурге мне пришлось самостоятельно выбирать отель – в конце месяца по чеку вернут деньги. Так довольно часто делают: мне это не нравится, но здесь я бессильна. Я выбрала симпатичный, если верить описанию и отзывам, отельчик на Невском – купилась, что близко к вокзалу.

Никакой вывески на нужном мне доме не было, зато нашёлся указатель со стрелкой.

Я прошла в арку, попав в типичный петербургский двор. Там, подперев спиной стену, меланхолично курила добровольная кариатида лет тридцати.

– Ищите что-то? – спросила она.

– Отель вроде должен здесь быть.

– А! – сказала кариатида. – Это там!

И махнула рукой на вторую арку.

Всё дальше удаляясь от Невского, я прошла во вторую арку – и на противоположной стороне двора увидела наконец вывеску.

«Ну, зато тихо будет, наверное», – утешала я себя, карабкаясь по высоким ступеням на второй этаж.

За стойкой администратора сидела девушка в хиджабе:

– У нас только с двух заселение.

– Может, уже кто-то выехал? – я постаралась, чтобы голос мой звучал как можно жалобнее. Мне хотелось бросить вещи, принять душ и погулять часа два по городу, прежде чем начнётся работа. На прогулки с чемоданом не способна даже я, при всей моей любви к путешествиям.

В крайнем случае оставлю вещи здесь, соображала я, но в душ уже точно не успею...

– А уборная у вас где?

Девушка в хиджабе замялась.

– Вот вам ключ от второго номера, можете туда сходить.

Вроде бы три звезды отельчик-то, удивилась я.

Но ключ взяла.

Жильцы из второго номера уже выехали, но уборку пока никто не сделал – пылесос гудел на отдалении, как солист за сценой. Скомканные простыни, мятые полотенца, чужой запах... Через пару часов меня, вполне возможно, поселят именно в этот номер.

Стараясь не дышать и не смотреть по сторонам, я быстро сделала то, зачем пришла, и покинула номер не в лучшем настроении.

Девушка в хиджабе почувствовала это и предложила мне чаю.

– Ваш номер готов! – сказала она, когда я сделала первый глоток. – Нужно подняться по лестнице на пятый этаж.

Странно, что такая опытная путешественница, как я, на сей раз сплеховала. Обычно я куда более уверенно отстаиваю права потребителя (если рейс задержан по вине авиакомпании, требую обед в аэропорту, если номер не соответствует описанию на сайте – прошу переселить

в другой). То ли меня вымотали события последних месяцев, то ли я просто утратила навыки за долгое время карантина... К тому же никто не обещал мне, что в старом петербургском здании будет присутствовать лифт.

Но сто восемь ступенек! Сто восемь неровных высоких ступенек на пути в мансарду, где меня решила поселить девушка в хиджабе, – это было, конечно, слегка против правил.

Я чуть не задохнулась уже на третьем этаже и, привалившись боком к холодной стене, пыталась унять сердцебиение. Прямо напротив была прищпандорена мемориальная доска – в этом доме... в такие-то годы... жил писатель Лесков и написал здесь...

Интересно, он тоже поднимался в мансарду, преодолевая 108 ступенек кряду?

На пятом этаже, наискосок от моей комнаты, стояла детская кроватка с матрасиком, свёрнутым так, как обычно делают в больницах, когда пациент выписался или умер.

Хоть фильм ужасов снимай. Малобюджетный.

Сам номер был, в общем, ничего, пока я не включила свет. Здесь явно не ступала нога уборщицы – зато ступали ноги многих других постояльцев, обильно трясущих к тому же головами и разбрасывающих по ковровому покрытию свою ДНК. Я подняла ногу – и внимательно изучила подошву: она была так густо покрыта чужими волосами, что её следовало не мыть, а брить.

Постель, впрочем, оказалась чистой.

И ванная.

У меня уже не было моральных и физических сил разбираться с девушкой в хиджабе – я молча прошла мимо неё и ходила потом по Невскому взад-вперёд, пока не пришло время ехать в здешний офис.

Вечером я приняла душ и легла спать в носках, которые решила утром выбросить. Появляющуюся в сумке свежую кофточку повесила на плечики в ванной – утюга здесь не было, но все опытные путешественники знают, что в ванной одежда разглаживается сама собой от влаги и тепла.

Ночью мне снились неровные ступеньки, я поднималась по ним до самого утра.

А утром, вновь стараясь не глядеть по сторонам, поспешно выехала из номера (девушку в хиджабе никто не сменил – видимо, два через два) и сразу же помчалась на испытания. Никаких серьёзных нарушений в работе лаборатории выявлено не было, зато я выявила серьёзное нарушение в своей собственной работе.

Я никак не могла сосредоточиться на том, что делаю!

Мысли крутились вокруг непроданной квартиры в Екатеринбурге – и некупленной, но уже существующей квартиры в Москве. И одна мысль вспыхивала на фоне других особенно ярко: почему это вдруг стало для меня таким важным?

С грехом пополам отработав командировку, я отправила своему шефу письмо с пометкой «важно». И попросила у него месяц за свой счёт.

Тихий вагон

Из Петербурга в Москву я возвращалась «Сапсаном», причём специально купила билет в тихий вагон. Место за столиком по ходу движения, рядом с розеткой. Опытный путешественник не дремлет! Даже если очень хочет спать.

Напротив сидел рябой мужчина, неотрывно пялящийся в телефон, где периодически взрёвывал спортивный комментатор. О существовании в природе такой вещи как наушники мой попутчик, по всей видимости, не догадывался. Я принялась сверлить его взглядом, и он в конце концов отключил звук телефона – и, наверное в отместку, вытянул ноги так, что мне пришлось выставить свои в проход.

Рядом с болельщиком сидел модный молодой бородач с графическим планшетом на столике – все четыре часа десять минут нашего путешествия он рисовал на этом планшете прямоугольник и штриховал его разными оттенками зелёного цвета. А потом удалял уже готовую, на мой взгляд, композицию и начинал всё заново, разочарованно цыкая языком.

Слева расположилась женщина сопоставимого со мной возраста – она прибежала секунд за пятнадцать до отправления поезда, приветливо поздоровалась сразу со всем вагоном, достала из сумки какую-то партитуру и начала править её, ожесточённо вычёркивая целые страницы. Некоторые фрагменты партитуры она тихонько пропевала и дирижировала, рисуя пальцем в воздухе что-то похожее на букву П.

Через проход сидели родители с девочкой-подростком, которая невротически кашляла с периодичностью раз в полминуты, – мы ещё не выехали за пределы большого Петербурга, а я уже привыкла к этому кашлю и вздрагивала, если новый приступ задерживался. Что ещё добавить? Сзади кто-то страстно храпел, а ближе к багажным полкам – сладострастно хихикал, в общем, вагон оказался не таким уж тихим.

Примерно через час я сдалась и перешла в вагон-ресторан, где нашлось единственное свободное место – напротив толстуна, который заказал всё меню и методично с ним расправлялся, осмысляя каждый новый кусок, и худенькой девушки, которая хмуро читала книгу «Атлант расправил плечи».

Я взяла чай и сэндвич, но, не успев сделать глоток и укус, уснула. Разбудило меня объявление – поезд прибывает в Москву, надеемся, что вам понравилось путешествовать с нами.

Напрасно надеялись.

В вагоне-ресторане рядом со мной уже никого не было – но из соседнего вагона долетал всё тот же невротический кашель. А за окном неслась Москва – пригожая, свежая, блестящая от только что прошедшего дождика. Снегом здесь ещё и не пахло.

Тренькнул телефон.

Хабибулин.

«Подвернулся покупатель. На завтра назначаю показ?»

Все пассажиры, включая женщину с партитурой, бородатого дизайнера и кашляющую девочку, давно уже ехали в метро или вызывали такси в приложении, отмахиваясь от реальных таксистов, как от комаров в тайге, пока я стояла на перроне, осознавая, что всё это происходит на самом деле.

И что мой дом будет там, где меня нет.

Есть ли врач на борту

Все путешественники – язычники. В аэропорту у меня есть несколько обязательных обрядов: я выхожу покурить на улицу после регистрации, пью кофе в «Шоколаднице» и брызгаюсь духами в дьюти-фри. Сегодня, после поездки в тихом вагоне, я решила удвоить каждый обряд: выходила на улицу дважды (хотя во второй раз мне пришлось отстоять длиннейшую очередь на досмотр – и я так упрямо звенела в рамке, что сотрудница аэропорта провела не досмотр, а настоящий массаж), выпила две чашки кофе и не только опрыскалась духами, но ещё и намазала руки французским кремом с наклейкой «Тестер». Глупо, понимаю, но меня успокаивают эти нелепые действия, даже не сами они – а их повторяемость.

Начальник в ответ на мою просьбу об отпуске ответил коротко: «Ок».

Мне это, разумеется, не понравилось. В моих мыслях он уговаривал меня не бросать работу даже на день! Но если я чему и научилась к своим сорока годам, так это осознавать, что люди в мечтах и люди в реальности ничем не напоминают друг друга.

Сорок лет! Зимой будет сорок один. В юные годы мне казалось, что сорок лет – это седая старость и что интерес к женщине в таком возрасте проявляют разве что районные врачи-

терапевты. И вот она я, сорокалетняя женщина, сижу в удобном кресле у выхода 112 рядом с розеткой – пью чай из картонного стаканчика, жую сушёный манго и мечтаю о завтрашнем дне.

Завтра ровно в пять Хабибулин приедет смотреть квартиру с подвернувшимся покупателем. Я мечтаю о том, что этот неизвестный мне человек сразу же купит бабушкину квартиру – без ремонтника и выпечки. Что он просто зайдёт туда и улыбнётся счастливой улыбкой: беру!

Таня говорит, надо прицельно запуливать свои мечты во Вселенную. Я стараюсь изо всех сил, мечта взлетает с места как ракета – и растворяется среди звёзд.

Таня, легка на помине, звонит:

– Твои родители такие молодцы! Освободили квартиру в три дня, и Митя уже начал ремонт!

Я совершенно забыла про Митю.

– Танечка, завтра у нас показ. Нашли покупателя.

– Видишь, – ликует Таня, – я же тебе говорила, что Маркович лучше всех!

Я в тот раз не стала признаваться Тане, что уже работаю с Хабибулиным, – пусть думает, что это её заслуга.

– Это даже хорошо, что покупатель увидит ремонт, – продолжает Таня. – Он почувствует, что у вас серьёзные намерения!

Мы договариваемся о том, как предупредить Митю, потом я прощаюсь с Таней, делаю ещё какие-то звонки – и как раз объявляют посадку на рейс.

Место у окна, рядом – молодая женщина. Круглолицая, тугая, литая. Я тайком прикасаюсь к своей щеке и отдёргиваю руку.

На взлёте соседка тянет руку с телефоном к иллюминаторам и практически ложится мне на грудь, пытаюсь заснять сверкающую Москву.

– Извините, – неискренне извиняется она и делает ещё примерно триста однотипных снимков, пока Москва не скрывается наконец под облаками.

Когда гаснет табло «Пристегните ремни», те, кто не успел посетить туалет на земле, устремляются в хвостовую часть салона. Одни пассажиры откидывают спинки кресел, другие (те, что сидят за ними) возмущённо кричат, третьи пытаются спать, четвёртые клацают пальцами по клавиатурам. Ещё минут десять, и стюардессы покатают по проходу тележку с напитками и закусками...

– Уважаемые пассажиры, если на борту есть врач, просим его обратиться к сотрудникам экипажа.

Моя соседка сказала «ой», а я начала озираться. Такое со мной пару раз уже происходило, и с тех пор я не спешу высовываться. Один случай навсегда отбил охоту – тогда мне попытались предъявить, что я оказала заболевшему человеку не ту помощь, которая ему требовалась. Были разбирательства, в результате выяснили, что я всё сделала правильно, но осадочек, как говорится, остался.

И всё же клятву Гиппократы никто не отменял. Поскольку на призыв стюардов никто не откликнулся, я отстегнула ремень безопасности, и моя соседка ойкнула во второй раз:

– Вы что, врач?

В голосе её звучало такое недоверие, что я разозлилась:

– Нет. Мне в уборную нужно.

Больной сидел в самом хвосте, там было не так душно, как впереди. В хвосте всегда больше воздуха, и, кстати, по статистике при крушении самолёта если кто и выживает, так это пассажиры, сидящие сзади. Но парню было очень плохо и без крушения.

– Вдруг затрясся весь, а потом прям на меня упал, – соседка парня, юная блондинка с красивой татухой на шее, говорила сочным басом. Больной лежал запрокинув голову.

– Вы доктор? – обрадовались стюардессы. Одна из них («Наталья») держала в руке пузырёк с нашатырём.

– Доктор, доктор, – сказала я, отнимая у Натальи нашатырь. – Несите всё, что у вас есть. И скажите пилоту, пусть просит посадку в ближайшем порту.

Я сразу поняла, что это инсульт, а потом, на земле уже, выяснилось, что у мальчишки случился ещё и дебют эпилепсии. Таджики, летел к своим землякам в Екатеринбург на работу.

– Но ведь он такой молодой! – изумлялась блондинка, пока мы вместе с Натальей пытались привести парня в чувство: главное – дотянуть до земли, до реанимации. – Разве такое бывает в этом возрасте?

Татуировка на её шее вопросительно подрагивала.

– Всё бывает, моя дорогая, – сказала я. – Ещё лет пять, и вы перестанете задаваться такими вопросами.

Блондинка озадаченно смолкла.

Весь самолёт возмущённо загудел, когда командир экипажа объявил, что мы возвращаемся в Москву. Люди охотно сочувствуют чужим горестям, если эти горести происходят в кино, а не касаются нас напрямую. У кого-то слетит выгодный контракт, кто-то опоздает на стыковочный рейс, а кто-то всего лишь возмущён, почему авиакомпания принимает такое решение, не поинтересовавшись мнением пассажиров.

– Это вопрос жизни и смерти! – громко сказала Наталья, когда её схватил за руку очередной возмущённый клиент. – Пристегните, пожалуйста, ремни безопасности, уберите откидные столики и замолчите, мы приступаем к снижению!

Блондинку пересадили на моё место, а я осталась сидеть рядом с мальчишкой, следила, чтобы он не отключался, то убирала, то подносила к его носу нашатырь – и разговаривала с ним, просила:

– Не уходи, слышишь? Не уходи от меня.

Он, как потом выяснилось, почти не знал русского, но реагировал на интонации. Вот и мне всегда казалось, что верные интонации важнее верных слов.

Скорая с переводчиком поджидала нас в аэропорту, мальчишку тут же приняли и увезли. Инсульт, как я и думала, а кто-то добавил – эпилепсия. И ни одной таблетки с собой у паренька не было.

Я заполнила бумаги, оставила свой телефон и адрес – и откинулась в кресле, ожидая дозаправки и нового взлёта.

Москва не спешила меня отпускать.

– Смотрите, снег! – пискнул какой-то ребёнок, и все дружно повернули головы к иллюминаторам.

– Уважаемые пассажиры, приносим свои извинения за задержку рейса и связанные с ней неудобства, – сказал командир экипажа. – Нам необходимо провести противообледенительную обработку воздушного судна, это займёт ещё немного времени. Просим вас сохранять терпение и не удивляться появлению в салоне неприятного запаха, это абсолютно нормально. Скоро вам будут предложены напитки.

Пассажиры застонали, а я подумала о том, что тексты авиакомпаниям составляют роботы, изучавшие русский язык по учебникам, написанным другими роботами.

Опытный путешественник готов к любым ситуациям. Я достала из сумки нераспечатанный пакет с ржаными хлебцами, три мандарина и книжку под названием «Недвижимость»: нашла её в бесплатном книгообмене и сочла за добрый знак. Это был роман, хороший роман про риелтора из девяностых. Жаль, что цены, которые называет главный герой, уже ничего не говорят, – впрочем, мне и теперешние не слишком много сообщают.

В Екатеринбург мы прилетели ночью, с шестичасовым опозданием. Я открыла дверь ключами, чтобы не разбудить родителей, – и первым делом наткнулась взглядом на мальчика с собакой и янтарные бусы. Мама поставила мальчика на тумбочку и обвила бусы вокруг его шеи: это было как-то, не знаю, демонстративно, что ли... Дескать, вот, ты хотела – забирай!

Я должна была чувствовать благодарность к маме, но почему-то сердилась на неё, и от этого мне стало ещё хуже. Но потом я нашла в кухне рубленые котлеты из индейки и остатки моего любимого салата из свёклы и сельдерея – и настроение тут же исправилось.

Перед сном хотела прочесть ещё несколько глав из романа про недвижимость, но зачем-то уткнулась в бесплатную газету с объявлениями и происшествиями. Начиталась – и сформулировала глубокую мысль, последнюю в этот бесконечный день:

«Какой смысл хорошо выглядеть и отзываться на “девушку”, если после автомобильной аварии о тебе напишут в газете: “Женщина 40 лет отделалась небольшим сотрясением мозга и самостоятельно обратилась в больницу”?..»

Жирный голос

Наверху был январь, а под землёй, в вагоне метро, летал комар. Он пытался сесть мне на плечо просто так – не с целью укуса, а чтобы согреться. Или пообщаться.

Я перебралась в Москву неделю назад, сразу после Нового года. Тот внезапный покупатель, которого нашёл Хабибулин, не стал брать бабушкину квартиру – я до сих пор пытаюсь изгнать из памяти его разочарованное лицо.

– Здесь надо вложить ещё столько же, – сказал он, брезгливо проводя пальцем по косяку.

В тот день Юрий Маркович снова был в маске – на сей раз в весёленькой, с цветами и попугаями. Почему-то она напомнила мне дамский купальник. Покупатель косился на моего риелтора с подозрением.

Митя к тому времени успел переклеить обои в спальне и подлатать паркет.

– Ничего, Елена Дмитриевна, будут и другие желающие, – сказал Хабибулин, закрывая дверь за покупателем (наверное, надо перестать звать его покупателем – он же ничего не купил). – Вот я вам что посоветую. Вы же хотели в Москву переехать? Так и поезжайте.

– Интересно, – возмутилась я. – А где мне там жить?

– Снимите что-нибудь скромное, в спальнике. Попробуйте там просто пожить, может, ещё и передумаете. Москва, она такая... Не каждому подходит.

Риелтор вздохнул так глубоко, что я подумала: наверное, он сам пробовал жить в Москве, и она ему не подошла.

Но в словах Юрия Марковича был здравый смысл.

– Отличная идея! – сказал папа. А мама промолчала: на её языке это значит согласие и одобрение.

И всё же я не решилась бы на эту авантюру, если бы меня не уволили.

Да, меня уволили чуть ли не сразу после того, как я вернулась из отпуска.

Мой коллега Максим – тот самый, что говорил про офигенных девок, – проболтался, что на должность монитора в нашей компании давным-давно заглядывался Арцыбашев. Конечно же, Арцыбашев (это имя прозвучит для большинства людей – если они не медики – пустым, хоть и красивым звуком) не собирался сам работать монитором: он может позволить себе вообще не работать. Но у этого бывшего замзавсехминистров подросла внучка, которую решено было пристроить на тёпленькое, хорошо нагретое мною местечко. Наш начальник устал отказывать Арцыбашеву, и тут как раз я со своим внезапным и очень несвоевременным отпуском!

– У тебя будет самый золотой из всех парашютов, обещаю! – Начальник не смотрел мне в глаза – и это самое неприятное, он мне всегда так нравился, наш Семён Степанович, я им восхищалась, я столькому у него научилась!

Ну вот, научусь ещё и тому, как увольнять хороших специалистов без всяких причин (вдруг однажды пригодится).

А парашют оказался действительно золотым – я смогу спокойно жить на эти деньги пару лет. В Екатеринбурге. Хватит ли мне их на жизнь в Москве с учётом того, что за квартиру придётся вносить как минимум 45 тысяч ежемесячно плюс интернет и счётчики?

Но теперь оставаться в Екатеринбурге мне уже точно не с руки – когда тебя выбрасывают на улицу, как тряпку, которой мыли унитаз, это не способствует любви к городу, где такое запросто происходит.

Арцыбашевская внучка, о которой мне уже донесли, что она ни бельмеса не смыслит в лабораторных испытаниях, зато хорошенькая и чистенькая, как овечка (сравнение Максима, тонкого ценителя офигенных девок), нанесла мне мощный удар по самолюбию. Я как-то резко, в один миг, утратила веру в себя и в будущее. Вся жизнь моя виделась теперь бессмысленным метанием по планете, путём без просветления, напрасно растраченным временем.

Митя продолжал ремонтник, Хабибулин показывал клиентам бабушкину квартиру (смотрели многие, не заинтересовался ни один – может, мы прокляты?), а я методично обзванивала всех своих московских знакомых, а также знакомых этих своих знакомых. Полетела в Москву, сняла номер в отеле «Морион» близ трёх вокзалов – и каждый день с утра до вечера носилась по разным спальным районам, осматривая жильё. В основном на Севере. В СВАО.

Процесс мне жутко не нравился – начиная от звонков незнакомым людям и заканчивая осмотром квартир. О, вечная проблема бедняков с претензиями! То, что мне нравилось, было решительно не по карману. То, что было по карману, я не могла рассматривать в качестве своей более-менее постоянной дислокации.

– Да это всего на пару месяцев, не копайся! – уговаривала меня мама, но я стояла на своём. И нашла в конце концов ту самую квартиру в Отрадном. По телефону хозяин звучал сочным басом, я не люблю такие «жирные» голоса – однажды даже ушла с титулованного спектакля, потому что главного героя играл артист с похожим басом, – он буквально сверлил мне голову, и даже зубы свело.

Но мне же не надо будет слушать его каждый день, увещевала я себя, приближаясь к нужному дому на Олонецкой улице. На фото квартира выглядела лучше всех прочих, вместе взятых. Рядом с домом – остановка автобуса, до метро – пятнадцать минут быстрым шагом.

Шла я по навигатору, накануне был ледяной дождь, и тротуар выглядел как глазированный, впрочем, сверху его уже присыпали катышками реагентов. Москва – смерть вашей обуви.

Длинный, довольно уродливый дом был выложен плитками, кое-где сколотыми и дружно полинявшими. Я набрала код домофона, мне понравилось сочетание цифр. В подъезде у почтовых ящиков – ковёр. Коробка для рекламного мусора. Два лифта, оба, как вскоре выяснится, вонючие.

Дверь в нужную мне квартиру открылась после первого же звонка – как будто хозяин сидел в прихожей и следил в глазок за всеми, кто выходит из лифта.

– Здра-а-австуйте, – он тянул гласные, как баян, и невозможно рокотал жирным басом. Сам этот мужчина тоже был каким-то жирноватым, сальным, хотя по объективным меркам его, скорее всего, следовало признать красивым (просто я нахожу красивыми других мужчин – похожих на Идриса Эльбу или Венсана Касселя; проблема во мне). Зад его выглядел совершенно круглым, как будто в джинсах лежал футбольный мяч. Цветные носки, яркая рубашечка. – Проходите, па-а-ажалста...

Хозяина звали Виктором Александровичем, но он решительно отмежевался от своего отца, настояв на том, чтобы я звала его просто по имени – Виктор. Ну Виктор так Виктор. За квартиру он хотел 50 тысяч, по моей просьбе скинул пятёрку, предоплата за два месяца вперёд, договор и всё такое.

Здесь было две комнаты (я обошлась бы и одной, это мама настояла, чтобы я сняла двушку: «Мы с отцом приедем в гости!»), обставленные недорогой мебелью. Я заметила синие разводы на бежевом диване, и Виктор, проследив за моим взглядом, досадливо махнул рукой:

– Да сдавал тут одному мальчику, а он, видно, валялся здесь в дешёвых джинсах!

Мне не то чтобы очень понравилась квартира Виктора, скорее, я уже устала бродить по чужим домам. Везде было что-то не так – например, я не могла бы даже временно жить в хрущёвке, или район оказывался совсем уж отдалённым, или-или-или. И мне надоело платить за гостиницу (не верю, что смогла это сказать). Сам замысел перебраться в Москву начинал выглядеть сомнительной затеей, я боялась, что если не выберу себе жильё в ближайшее время, то вернусь в Екатеринбург и рухну, как с обрыва, в глубокую депрессию. Хабибулин молчал, счета от Мити приходили с завидным постоянством, золотой парашют на глазах терял блеск...

Замысел был именно в том, чтобы пожить в московской квартире, в московском доме, в каком-то районе – а не в гостинице, где невозможно проникнуться духом города и понять, подходит ли он тебе в самом деле.

Москва пока что не говорила мне ни да ни нет.

Мы ударили по рукам, Виктор вручил мне ключи, и я на следующий же день перевезла на Олонецкую свои вещички – все они уместились в боевой дорожный чемодан, прошедший со мной через самые разные испытания. Мало кто из моих знакомых побывал в стольких странах!

Опытный путешественник оказался непрактичным жильцом – мне не пришло в голову купить хоть что-то из посуды, взять с собой полотенца, одеяла, подушки, постельное бельё. Но эта беда была поправима. А вот то, что мне не пришло в голову сфотографировать при Викторе все «пороки» квартиры – сломанный диван, пятно на обоях, криво висящую полочку, – впоследствии аукнется мне и на всю жизнь научит не доверять людям с жирными голосами (и просто – людям).

Подписывать договор аренды Виктор приехал с женой; это была пожилая бледно-рыжая девушка, в глазах которой плескалась застарелая тоска. Как цветущая в августе речная вода... Жена так внимательно изучала меня, что я заподозрила Виктора в том, что он ей изменяет, для чего и держал, скорее всего, эту квартиру. Но какое мне дело до личной жизни хозяев моего временного жилья? Когда они ушли (с подписанным договором и без малого сотней тысяч рублей в кармане), я раздёрнула шторы, наблюдая Москву за окном.

Прямо напротив светились окна соседнего дома, в одном из них полуголый мужчина делал зарядку (наверяд ли она ему поможет). Старушка вывела погулять собаку в башмачках и берете. Все дома, включая тот, в котором я теперь жила, образовывали, как это обычно бывает в спальниках Москвы, каре – по центру всегда найдётся какое-то общественно значимое здание. Это я уже изучила, бродя в поисках жилья в последние недели. Здесь это была ветеринарная клиника.

Окна выходили на разные стороны, из второй, меньшей по площади комнаты, которую я определила в спальни, можно было различить Останкинскую башню.

– Из окна здесь видно Эйфелеву башню, – рапортовала я вечером Тане, стараясь звучать бодро.

– Ну это смотря сколько выпить, – сказала Таня, ничуть не удивившись оговорке.

Виктор обмолвился между делом, что квартиры в этих домах давали раньше заслуженным чекистам, но не пояснил, связывает ли что-то его самого с этой профессией. С виду мои соседи выглядели как самые обычные люди, но уже через пару дней обитания на Олонецкой улице я убедилась, что до обычных им очень далеко.

Прямо надо мной проживала семья с девочкой, которая начинала дико орать часов в десять вечера и стихала в лучшем случае к часу. Я, не сходя с места, поставила ей диагноз (психиатрический, разумеется), потому что девочка еженощно посылала матом всю свою семью по очереди. Аспергер. Слышно её было так чётко, словно девочка сидела рядом со мной. Я не решилась идти к соседям – вдруг они бросят мне потом горящий факел на порог (это не фантазия, а правдивый рассказ одной московской подруги), но когда увидела потом эту девочку в подъезде, то очень удивилась. Она выглядела совершенно разумной и вела себя вежливо.

Может, орала какая-то другая, сестра-близнец, человек в железной маске?..

На одиннадцатом этаже в том подъезде (я сознательно не называла его «нашим» или «моим» – не хотела привыкать) обитал Вася. Выглядел он как инженер, случайно попавший на овощебазу и оставшийся там навсегда. Познакомились мы с Васей поздней ночью, примерно через месяц после моего водворения в квартиру. Я шла курить на улицу, спускаясь по лестнице (я никогда не курю в помещениях – позиция и принцип), а Вася лежал, привольно раскинувшись на ступеньках между третьим и вторым этажами, и выглядел мёртвым.

Я стала оказывать Васе первую помощь и почти сразу поняла, что он вдупелину пьян. С трудом вытянула из него, на каком этаже он живёт, – и потащила в лифт. Вася мычал и пытался меня облапать, но делал это как-то без страсти, в полпинка.

– Ой спасибо опять нажрался, – без запятых сказала мне Васина, наверное, жена, принимая с рук на руки тело мужа. С тех самых пор она со мной приветливо здоровалась, тогда как Вася меня не запомнил и при встречах упирался взглядом в стенку.

Но самым загадочным моим соседом был безымянный дедушка, выходивший кормить голубей ровно в три часа пополудни.

Я терпеть не могу голубей, хоть это и божьи птицы. Узбекская домработница Лобар, с которой я познакомлюсь через полгода, скажет, что голуби – это хорошо и что надо радоваться, что они прилетают к вам на карниз (даже если гадят при этом на окна). Но я, повторюсь, терпеть не могу голубей – и дедушка, рассыпавший пшено напротив подъезда в урочный час с решимостью экскаватора, вызывал у меня справедливое возмущение.

Справедливое, но... молчаливое. Голуби мне почти что не досаждали, к тому же я каждый день говорила себе: ты здесь ненадолго, не навсегда. Тебе не нужно здесь ничего менять, не надо втягиваться в эту историю... Дедушка заговорил со мной сам однажды вечером, когда я курила на удалении от подъезда, любуясь заснеженной яблоней (весной окажется, что это – груша).

– Хау а ю тудэй? – спросил он, обнажив в улыбке зубные протезы.

– Айм файн, энд ю? – на автомате сказала я и только потом опомнилась: – Вы знаете английский?

– Немного учил. Что-то я вас раньше не видел, девушка. Вы стройная, как Шамаханская царица...

И тут же резко, словно выстрелив:

– С какого этажа?

– С шестого.

– Надолго к нам?

– Как пойдёт.

Дедушка посмотрел на меня с уважением. Я тут же спросила:

– А вы сами с какого?

– Смотрите, – вскинулся дедушка, игнорируя мой прямой вопрос и подавшись всем телом к машине, которая ехала через двор. – Такси, за рулём женщина. За пятьдесят, но в отличной форме.

Клянусь, я не успела разглядеть ни саму женщину, ни её отличную форму, но наблюдательность дедушки навела меня на мысль, что в прошлом он был разведчиком – и по привычке вербовал каждого встречного при условии, что он кажется полезным.

О чём он думал, мечта пшено перед голубями?... Представлял ли свою старость такой – в уродливом, вновь будем честны, дворе московской окраины?

По утрам я наблюдала жизнь столичного спального района и его обитателей, а дни проводила, как и положено провинциалке, в музеях и театрах. Обратно в Отрадное (Обратное! Отвратное!) добиралась на метро, внимательно разглядывая людей в ряду напротив. Среди смертельно уставших смуглых разнорабочих, старух с пугливым выражением лица и школь-

ников, уставших почти так же, как разнорабочие, попадались родители с маленькими детьми, отражавшиеся друг в друге, как в стекле с надписью «не прислоняться». Я каждый раз смотрела на них, улыбаясь, – и видела, как эта моя улыбка пугает Москву, не привыкшую к смурной уральской нежности.

Потом я, конечно, избавилась от этой привычки и обзавелась другой – не глазеть по сторонам, а внимательно слушать каждое произнесённое рядом слово. Так вылепился в конце концов мой портрет Москвы – какой она была на излёте января 2022 года.

Один миллион

В Париже чаще всего говорят о еде – что было на ужин, вкусно ли, кто что выбрал, с каким вином. В Москве – о квартирах. Вторичка, новостройка. Студия, апартаменты. Где снимают, почём купили. Чешская серия. Ипотека, альтернатива, соседи, сколько до метро. Стяжка полов, мокрая точка, косяки и *плитуса*.

– Что не так с этими людьми, я не понимаю! Как можно выбрать такие обои в наше-то время?

– Но квартирка-то чистенькая, муха не сидела...

– Стиралку придётся на кухню ставить.

– А я давно в прачечную бельё отдаю.

– Мне очень важно, чтобы рядом был диаметр.

Возможно, я просто заиклилась на квартирной теме, или же все люди вокруг меня действительно говорили только о жилье? Я сидела на Олонецкой улице в ожидании новостей из Екатеринбурга – ну то есть я не просто сидела, а пыталась найти себе работу и завести полезные знакомства, точнее, сделать уже имеющиеся знакомства полезными.

Говорят, что в Москве работы всем хватит. Не знаю. Это смотря какая работа. Мне упорно не везло – куда бы я ни отправляла резюме, приходили одни лишь отказы. А потом даже отказов не стало – все просто замолкли, как птицы, которые только что галдели перед грозой.

Я хорошо помню это тяжёлое февральское молчание, предчувствие, для которого, как мне казалось, не было причин.

– Вы новости-то смотрите, Елена Дмитриевна? – спросил меня по телефону Хабибулин. На расстоянии мы с риелтором странным образом подружились, и я даже прониклась к нему своего рода симпатией (этому, конечно, сильно способствовало отсутствие очного общения).

– Как все. А что, пропустила что-то важное?

Хабибулин хмыкнул.

– Я буду держать вас в курсе, – важно сказал он. – Мой астролог сказал, что грядут тяжёлые времена. И это, разумеется, скажется на рынке недвижимости.

Я хотела посоветовать Юрию Марковичу не слушать астрологов, а как можно активнее искать покупателей на бабушкину квартиру – но промолчала. Я знала, что он делает всё что может, – каждую неделю я получала от него табличку с количеством сделанных звонков, выездов, просмотров и отслеженных объявлений. Педантизм Юрия Марковича был поистине немецким, и я с трудом удерживалась от того, чтобы не спросить, какова же его национальность?

Терпение моё иссякало с той же скоростью, что и деньги. Я понимала, что не смогу жить на Олонецкой улице вечно. К тому же Виктор с жирным голосом полюбил приезжать ко мне за арендной платой лично – и каждый раз упрямо заводил разговор о том, что коренных москвичей в столице теперь не встретишь.

– Вот я – коренной москвич. – (Пауза, чтобы я прониклась и осознала, с кем разговариваю.) – А живу за городом. Иначе просто невозможно. Красота у нас, конечно... Выходишь из дома – и сразу лес!

Соблазнять екатеринбурженку московским лесом (не смешите мои сосны) – это надо быть уж совсем идиотом. Но Виктор, скорее всего, просто не помнил, из какого я приехала города. Вёл он себя в целом приветливо, показывал в телефоне фото своего дома – красивого, но какого-то нелепого – и звал в гости. Он явно хотел перевести наши отношения в дружеские, но я шарахалась уже только от одной мысли об этом. Меня вполне устраивала схема «хозяин – арендатор», тем более друзьями в Москве я обросла быстрее, чем думала. И новыми, и старыми.

Первым, кому я здесь позвонила, был Саша Гусев. Мой бывший одноклассник, давным-давно завязавший с медициной и ступивший на зыбкую почву рок-музыки. Ничего не понимаю в рок-музыке, она меня никогда не интересовала, поэтому за Сашиним творчеством я не следила. Но мы с ним каким-то образом не растерялись на просторах взрослой жизни. Он мне довольно часто писал и звонил, наверное, я ему нравилась. Саша был высоким и крупным, пожалуй даже толстым. С ясно-голубыми детскими глазами и толстыми губами, которые он поджимал тоже как-то по-детски.

Когда Саша вошёл в не мою мою квартиру, она сразу же уменьшилась вдвое. Сдулась, как проколотый воздушный шарик.

– Ништяк, – сказал Саша, одобрителем оглядывая пустые белые стены. – Но от центра далековато, Ленка.

Сам он снимал однушку на Пресне. За какие-то безумные деньги. С ним проживала кошка породы мейн-кун.

– Если надо будет съездить куда, что-то купить – маякни, – сказал Саша, когда мы пили чай с белёвской пастилой. – И приходи в субботу на ко... на концерт. Впишу. Я рад, что ты здесь.

От волнения он начинал немного заикаться. Если бы в детстве ему поставили курс актовегина, с этим можно было бы справиться раз и навсегда.

Концерт Сашиной группы (ещё он продюсировал какую-то певицу, но об этом говорил крайне скупое, видимо, певица пока что не добилась выдающихся успехов) проходил в клубе неподалёку от станции метро «Дмитровская». Я далеко не сразу нашла нужное здание. В очереди на вход стояла счастливая, брызжущая гормонами молодёжь, и я почувствовала себя тем, кем и была, – одинокой сорокалетней женщиной в не по годам короткой юбке.

Саша играл на бас-гитаре, но с моего места его было видно плохо. Зато солиста я рассмотрела во всех подробностях – тоже лет под сорок, но живой и весь какой-то ртутный, он довёл зал до полного исступления, а когда какая-то девица крикнула срывающимся голосом «Мы тебя любим!», он безразлично чмокнул микрофон. Ну чистый секс! Саша не стал меня знакомить с солистом, вот и правильно. У таких ртутных мужчин широкий выбор соответствующих женщин, читай – офигенных девок. А может, он вообще по другой линии. Но когда мой друг спросил, как мне концерт, я восхищалась вполне искренне (хотя не смогла бы оценить ни музыку, ни тексты, ни звук, ни свет – всё моё внимание занял вечный юноша в растянутой майке, что-то кричавший в микрофон. Мог бы кричать что угодно).

– По-понятно, – улыбнулся Саша. – Запала на Илюху.

– Ничего подобного! – возмутилась я. – Но ты меня в следующий раз тоже зови! Приду.

Уральская диаспора в Москве, конечно же, не ограничивалась Сашей. За месяц я повидалась с Юлей, Натальей Николаевной и Анфисой, а ещё навестила мамину подругу тётю Надю. Каждый московский дом я прикладывала к себе, как одежду в магазине, когда лень идти в примерочную и ты просто смотришься в зеркало и чувствуешь себя бумажной куклой.

Тётя Надя жила в Лефортово, на улице Госпитальный Вал. От метро до её дома нужно топать минут двадцать, но дорога была приятная. Я шла, размахивая коробкой с тортом без кремовых роз, и вспоминала, как двадцать лет назад точно так же шагала к тёте Наде в квартиру на Блюхера. В те годы она жила в Екатеринбурге, своих детей у неё не было, а лет ей, как

я сейчас понимаю, было примерно столько же, сколько сейчас мне. Мне тогда было двадцать, я была чудовищно влюблена и собиралась поразить своего избранника экстравагантным нарядом. Собственных экстравагантных нарядов у меня не было, родители перебивались с хлеба на квас, а тётя Надя работала по контракту в разных зарубежных странах, и я знала, что у неё есть парижские платья. Размеры у нас примерно совпадали, тётя Надя была стройная, устремлённая ввысь, как ракета.

– Выбирай, – она раскрыла передо мной дверцы гардероба, как ворота в рай, где отродясь не стояло ангела с мечом.

Тётя Надя сказала, что я могу взять любое платье, и даже сама накрашила меня французской косметикой. И набрызгала духами. И боже, стыдно об этом вспомнить, сделала мне эпиляцию ног французским кремом «бокаж»!

Странно, что я думаю об этом сейчас. Хотя нет, не странно. Вполне закономерно. При этом я не помню лица того мальчика, которого мне хотелось впечатлить, – тем более что парижский шик не возымел никакого эффекта и мальчик (это я помню отлично) весь вечер увивался вокруг крашеной в рыжий цвет девицы в выбеленных джинсах. А я лила слёзы в углу, размазывая диоровскую тушь по щекам...

Я потом ещё несколько раз приходила к тёте Наде «накраситься», она без звука давала мне любую косметику и ни разу – ни разу! – не проговорила о моих экспансиях своей лучшей подруге – моей маме. Я сама спустя годы рассказала матери со смехом эту историю, и она мне не поверила:

– У нас с Надей не было друг от друга секретов.

В Москве тётя Надя живёт лет десять, у неё хорошая двушка в кирпичном доме. Я набрала код на домофоне, вызвала лифт – но когда он доставил меня к нужному этажу, засомневалась, а тот ли это дом? В прошлый раз, когда я сюда приезжала, – несколько лет назад, во время продолжительной командировки – тут ничего похожего не было. Сейчас же в пространстве у лифтов развернулась шизофреническая выставка, продолжавшаяся в тамбуре с квартирами. Старые мягкие игрушки, фотографии, похоронные цветы и всевозможный, лишь чуточку облагороженный мусор составляли сложные композиции. В глаза мне бросился портрет Гагарина, взятый в рамку, и унылый плюшевый олень, косивший глазом на первого космонавта, как будто ожидая от него приказа – «Поехали!».

– Что это за ужас, Надя? – сказала я вместо здравствуйте. За глаза я зову её тётей, а в лицо – по имени и на «ты».

– Соседка, – махнула рукой тётя Надя. – Психическая. По помойкам ходит собирает... Сейчас у неё обострение, хотя странно, зима вроде бы... Периодически мы вызываем специалистов, они всё это вывозят, но дня через три выставка открывается заново. Москва...

Этим словом – «Москва», произнесённом всегда с одними и теми же интонациями, где поровну соседствуют восхищение и ужас, – заканчивали свои рассказы все мои здешние знакомцы. Мы с тётей Надей попили чаю, съели по куску торта.

– Ты правильно сделала, Ленка, что уехала, – сказала тётя Надя.

– Ещё не уехала по-настоящему.

– Конечно же, уехала! – тётя Надя говорила с некоторым нажимом, как и полагается педагогу (она преподаёт в МАРХИ). – Просто, понимаешь, наступает такой возраст, после которого уже невозможно сдвинуться с места. А ты успела, впрыгнула в последний вагон!

Тётя Надя сказала, что искать квартиру в Москве надо уже сейчас, не дожидаясь продажи в Екатеринбурге. Но как? Если мне нечем платить?

– Деньги появятся, вот увидишь. Ищи, это не такая простая задача. Выбирай район, смотри объявления на Циане или Авито. Риелтор есть уже?

Я пожала плечами.

– Походи по домам, – наставляла меня тётя Надя. – Поговори со знакомыми. А телефон риелтора я тебе дам. Эт мой бывший ученик, Олег. Он тебе понравится.

Не могу поручиться, но, по-моему, тётя Надя при этих словах хихикнула.

Возвращаясь тем вечером в Отрадное, я заглядывала по пути во все окна московских квартир, гадая, где же она, моя единственная? Кто-то живёт там прямо сейчас или она стоит грустная и всеми забытая? В углах копится пыль, с хрустом отходят от стен обои, перегорают лампочки...

А на другой день позвонил Хабибулин – и сказал, что на бабушкину квартиру нашёлся верный покупатель. Нужно срочно отдать ему ключи и отправить восвояси Митю, потому как ремонтник теперь совершенно без надобности. Покупатель собирается снести здесь всё до основания и сделать ремонт высочайшего класса.

– Но пока у него есть только один миллион, Елена Дмитриевна, – сказал риелтор. – Он переведёт его в качестве аванса, а остальную сумму – до двадцатого февраля. Вы не переживайте, он не обманет. Я людей сразу вижу. Не ошибаюсь никогда.

Чёрная кошка с белыми вставочками

Объявление висело на дверях подъездов, на столбах и даже на мусорных контейнерах. «Потерялась чёрная кошка с белыми вставочками, пугливая, на руки не пойдёт. Кто видел кошку, просьба позвонить». И номер телефона.

Эти трогательные «вставочки» погрузили меня в глубокую печаль. Я несколько вечеров подряд выглядывала чёрно-белую кошку по всему нашему району – но, разумеется, не нашла. А потом объявления исчезли. Это было 24 февраля.

Мои знакомые в Екатеринбурге и Москве пребывали в одинаковой панике. Точнее, нет, в Москве паники было всё-таки больше. Анфиса чуть ли не на следующий день уехала в Израиль. Юлия затаилась, удалила свои страницы из всех сетей и перестала отвечать на звонки. Наталья Николаевна заняла активную антивоенную позицию. Тётя Надя сказала по телефону, что через неделю всё это кончится. Что она даёт максимум месяц на то, чтобы всё это кончилось. Сашина группа вначале отменила концерт, а потом назначила сразу три подряд.

Мама плакала, папа сказал, что поедет хирургом на фронт.

А я сидела в Отрадном.

Искать московскую квартиру в эти дни мне было стыдно.

Но и не искать её я не могла.

Покупатель, которого нашёл Хабибулин, действительно перевёл миллион на мой счёт – но с «остатком», в десять раз превышающим первоначальный взнос, не торопился.

– Просит ещё две недели, Елена Дмитриевна, – сказал мне риелтор по телефону. – И поскольку других предложений нет, а время сейчас, сами понимаете...

– Ну да, – вяло заспорила я, – очень удобно всё валить на время.

– Позвольте, – оскорбился Хабибулин, – я делаю всё что могу. Май бест, так ска-ать...

– Но если у него есть деньги на ремонт, почему же он не может расплатиться с нами?..

Я, как все, с утра прилипала к новостям и не верила тому, что вещали с экрана, – не самой информации, а тому, что это в принципе происходит. А вот Виктор, приехавший в конце месяца за деньгами, был в приподнятом настроении и говорил «давно пора».

Я осознавала, что мне надо занять какую-то позицию, но она была между двумя стульями. Меня упрекали – кто вслух, кто беззвучно, – что я храню молчание, но мне и тогда, и теперь кажется, что того, кто молчит, лучше слышно.

И ещё я точно знала, что ни при каких обстоятельствах не уеду из России. Не потому, что «должна быть с моим народом», такими категориями я не мыслю. А просто потому, что,

при всей моей любви к путешествиям, к чужим городам и странам, к Парижу, я не сумею жить вне родины.

Мой дом – там, где она.

– Сейчас цены, скорее всего, рухнут, – сказал мне Олег, бывший ученик тёти Нади, которому я позвонила в начале марта. – Давайте попробуем найти вам что-то подходящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.